

ЗАМІТКИ

К древнерусской топонимии

1. Вяхань

Об этом городе впервые упоминает *Ипатьевская летопись* под 1147 годом. Здесь рассказывается, как Глеб Юрьевич, рассадивший своих посадников в Посемье, вместе со Святославом Ольговичем, Святославом Всеволодовичем и половцами стоял у Выря, требуя от его жителей сдаться под угрозой половецкого разорения. Но те не подчинились, ссылаясь на то, что их князь — Изяслав Мстиславич.

и ѿтоуду идоша къ Вяханю . и томоу не оуспѣша ничтоже а ѿтоуда идоша к Попашю . тоу приде к ни^и Изяславъ Дѣдвичъ . и бишася и взаша Попашъ . и в то верема . приде къ Изяславоу вѣсть . къ Мьстислаличю уже Бяхань . инии городи ѿбилися а Попашъ взали¹.

Вяхань также упоминается в изображении аналогичных событий в *Лаврентьевской летописи* под 1149 г.²

В середине XIX в. И.Д. Беляев предположил, что Попаш и Вяхань находились в верховьях Сулы, к юго-западу от Выря (позднее — Белополья³). Вслед за этим Филарет (Д.Г. Гумилевский) уточнил местоположение Вяханя, отождествив его с упоминаемым в актах 1638 и 1642 гг. Лехановским или Дехановским городищем на р. Терн. Эту локализацию Вяханя поддержал П.В. Голубовский. С тех пор вывод о том, что Вяхань располагался на городище, что на правом берегу р. Терн (правого притока Сулы), в нынешнем с. Городище Недригайловского р-на Сумской обл., закрепился в науке⁴. Район городища неоднократно подвергался археологическим наблюдениям (впервые — В.Г. Ляскоронским), и наиболее подробно был изучен Ю.Ю. Моргуновым, который пришел к заключению, что нижней датой летописного Вяханя (XI-XIII вв.) является конец XI в.⁵

Считается, что топоним «*Вяхань*» иноязычного и неясного происхождения, откуда и множественность летописных вариантов (Вяхань, Бяхань, Явхань и т.д.⁶). Трактовка, связывающая вторую часть слова с тюркским *ка н, хан* — титулом верховного правителя⁷, — явно натянута, тем более, что «первая часть» слова остается непонятной.

В работе Ф. Б. Я. Кёйпера о древнем арийском словесном поединке встречаем созвучный разбираемому названию авестийский термин *v y ā x a n a* -. Несмотря на то, что он многократно встречается в *Яштах*, в частности, в X-ом и XIII-ом, и выступает в качестве эпитета Митры и других богов⁸, автор работы показывает его дискуссионность.

Согласно Хр. Бартоломе, это слово означает «говорящий в собрании, подающий ему совет, красноречивый»⁹. Сам Кёйпер поддержал вывод Э. Бенвенисте,

считавшего, что прилагательное *ν у ā х а п а* - относится не к красноречию, а к «какому-то воинскому качеству». Оно везде употребляется в контекстах, относящихся к «твердости, силе или власти»¹⁰. Согласно Бенвенисте, «речь идет об ораторском поединке, из которого этот человек выходит с победой»¹¹, но при этом исследователь воздержался от выбора между «спором» и «поединком», остановившись на значении «способный встретить лицом к лицу, годный для спора или для поединка, победитель»¹². И. Гершевич перевел его как «бросающий вызов»¹³. Кёйпер выбрал для слова *ν у ā х а п а* - значение «победитель в ритуальном словесном поединке» — «красноречивый»¹⁴. Кроме того, он показал, что умение владеть словом для древних народов далеко простиралось за рамки ораторского искусства, приравниваясь к сакральному акту творения космоса. Сам же словесный поединок зачастую сопровождался оскорблениями и перерастал в прямое столкновение¹⁵.

Итак, очевидно, приведенные мнения позволяют заключить, что топоним *Вьяхань* (очевидно, от авестийского *ν у ā х а п а* -) выражал идею непобедимости, желанной в любом поединке (не только словесном). К тому же, для города действительно неприступного, каковым Вьяхань и показан под 1147 г., первым, а иногда и решающим показателем стойкости было умение его защитников словесно парировать требования осаждавших о сдаче¹⁶.

Что касается этнической принадлежности названия этого города, то разновременные славяно- и русско-иранские отношения, в частности, языковые — общепризнанны в науке. Рассматривались и связи с языком *Авесты*¹⁷. Её мифологическое ядро перекликается с *Ригведой* и восходит к эпохе индоиранской общности (III тыс. до н. э.), в то время, как известные записи *Авесты* не старше XIII в.н.э.¹⁸ Поэтому, появление в южно-русских землях, с их полиэтничным населением, топонима, восходящего к авестийской традиции, в принципе, может иметь широкие хронологические рамки.

Учитывая, что название города *Вьяхань* было призвано отражать его «неприступность», «непобедимость» именно с точки зрения его создателей, можно предположить, что основа его населения была ираноязычной. К какой группе могли относиться иранцы конца XI (начала XII в.?) — археологически фиксируемого времени постройки городища? Вероятно, это были переселявшиеся сюда из Подонья аланы-ясы. Тенденция таких миграций (очевидно, не первой волны) фиксируется летописями¹⁹. Так, под 1116 г. *Лаврентьевская летопись* сообщает о походе Ярополка Владимировича на Половецкую землю, к Дону, взятии им городов Галина, Чешуева и Сугрова (первым двум из которых в *Ипатьевской* отвечают Балин и Шарукан) и приводе с собой полона ясов, в том числе — жены ясыни²⁰. Ещё в 1111 г. Шарукан и Сугров были покорены объединенным войском князей во главе с отцом Ярополка, Владимиром Мономахом²¹. Впрочем, иранское название Вьяханя говорит, скорее, о «добровольных» переселенцах, выдвинутых из прежних мест обитания половцами. Так, согласно *Ипатьевской летописи*, в 1117 г. «придоша Бѣловѣжъци в Русь»²². По мнению О. Бубенка, часть из них также могла быть аланами²³.

2. Увѣтичи

Согласно летописи, — место, где в 1100 году состоялся следующий за Любечским съезд князей:

бра̑га створиша мѣрь межи собою . Стополкъ . Володимѣръ . Дѣвдъ . Шлегъ . въ Оувѣтичи̑ .
мѣца . авгу̑ . во . 1̑ . днь . того̑ . мѣца . въ . 1̑ . то̑ же мѣсть бра̑га вса [снашаса] .
Стопол[къ] . Володимеръ . Дѣвдъ . Шлегъ . и приде к ни̑ Игоревичъ Дѣвдъ²⁴.

На основе текста летописи точно локализовать эту местность нельзя. Многие авторы считали, что под именем *Увѣтичи* скрывается другой топоним. Так, С. М. Соловьев предположил, что съезд состоялся в Витичеве²⁵, отдельно ссылаясь на известную ему трактовку, что это — на реке Вете²⁶. Вета или Вита — малоизвестная в наше время река — правый приток Днепра с местом впадения ниже Киева, выше устья Стугны. Упоминается в актах на землю XVI в.²⁷ На р. Вете расположено древнерусское городище X–XIII вв. (Вита-Почтовая Киево-Святошинского р-на Киевской обл.)²⁸. Вдоль русла реки простирается участок Змиевых валов²⁹. На р. Вете предполагал местонахождение Уветичей Н. П. Барсов. М. А. Максимович отмечал, что поселение находилось на берегу реки, «межи Хотовом и Ходосовкою, посреди городища некоего давнего», близ Василева³⁰.

Согласно Л.Е. Махновцу, напротив устья р. Виты (Веты) пролегал через Днепр летописный Витичевский брод³¹. В то же время Уветичи этот автор относил к встречаемому в летописи Витичеву (Витичеву Холму)³². Это поселение на Днепре, ниже Киева упоминается у Константина Багрянородного (X в.) как «крепость-пактиот росов»³³. Что Уветичский съезд проходил в этой местности (ниже Треполя), считал еще Н.М. Карамзин³⁴, а позже — Б.А. Рыбаков³⁵. Здесь, на месте нынешнего Витачева (Обуховского р-на Киевской обл.) находятся два городища, первое из которых датируется X–XIII вв., а второе, отождествляемое с летописным Святополчем, — 1095–1223 годами³⁶. Однако, неясно, как топоним, зафиксированный в летописи под 1095 г., где говорится, что «Стополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытчевѣ холму»³⁷, в изображении событий, последовавших всего через пять лет, обрел форму «въ Оувѣтичи̑»³⁸.

Еще одну локализацию встречаем у И.П. Новицкого: «Ветичи, урочище между Днепром и Десною, близ места их соединения, где была также и Ветова-Могила»; по-видимому, сюда-то, а не к Витичеву, или рч. Вете, прурочиваются летописные Уветичи³⁹; «Ветова-Могила, урочище на левом берегу Днепра, выше Киева, к северу от Хотяновки»⁴⁰. Обе упоминаются в документе 1713 г.⁴¹ Нахождение Уветичей на месте с. Ветичей (под Киевом, за Днепром у с. Хотяновки) принимал и М.С. Грушевский⁴². По его мнению, именно такое место проведения встречи 1100 г. отвечало бы общей тенденции устраивать съезды князей под Киевом, на левобережье Днепра, как некой нейтральной территории. Эти же соображения позволили ему согласиться с точкой зрения Н.П. Барсова, что, в действительности, и Любеч, принявший съезд 1097 г., также находился в этом районе⁴³. В недавнее время идею такой локализации обоих съездов

дополнительными аргументами поддержал А.П. Толочко⁴⁴. Эта точка зрения наиболее логична.

Интрига поиска усиливается этимологией топонима *Увътичи*⁴⁵, в связи с которой, кажется, до сих пор не было обращено внимания на материалы словаря И.И. Срезневского. В изученных им древнерусских памятниках, в частности, были найдены такие слова: *У в ъ т ъ* — утешение, успокоение; облегчение; утеха, радость; увещание, наставление; предписание. *У в ъ т л и в ы й* — приветливый; *У в ъ ч а т и* — уговориться (сравн.: *У в ъ щ а в а т и с я* — сговариваться, приходить к соглашению)⁴⁶.

Спокойствие, радушие, ласка — именно те (рекреационные) идеи, которые могли в себе нести названия загородных княжеских резиденций, как, например, именованный «Раем» заднепровский двор Юрия Долгорукого (1157 г.)⁴⁷, и, предположительно, также находившийся на киевском левобережье Любеч (1097 г.). Что же касается «уговора», «наставления», то они непосредственно отвечали духу княжеских переговоров. Так, А.П. Толочко предположил, что местность с названием *Любечь (Любчь)* могла быть выбрана организаторами съезда, дабы подчеркнуть идею «братолюбия». Двойные интерпретации допускали и летописцы, то называя собравшихся на этот снем князей *любцы*⁴⁸, т.е. «любимцы», то указывая, как автор поздней *Густынской летописи*, что русские князья *собрашася въ любовь*⁴⁹.

Фиксируемое летописью название «*Увътичи*» также достаточно благожелательно, чтобы «обеспечить» успех очередного съезда, и в таком выборе места его организаторами могла сказаться, своего рода, «вторичная магия». В то же время, нельзя поручиться и за вполне беспристрастное отношение к событию автора летописи. Поэтому, можем предположить два варианта: 1) Первоначальное древнерусское *Увътичи* (местность близ устья Десны?) позднее упростилось до формы *Вътичи*. Или же 2) *Вътичи* приобрело форму *Увътичи* только благодаря остроумию летописца.

1 ПСРЛ 2: 356.

2 «и пришедшо юму [Юрию Долгорукому. — Ю.П.] къ Выханю . и приде к нему Шлговичь . и Всеволодичь . шба Стослава» (ПСРЛ 1: 321).

3 *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья*. К., 1984. С. 109.

4 Филарет (Гумилевский). *Историко-статистическое описание Харьковской епархии*. В 3-х т. Харьков, 2005. Т. II. С. 94–95, 162; Голубовский П. *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар*. К., 1884. С. 92–94; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 223; *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья*. С. 139; Коринный Н.Н. *Переяславская земля. X — первая половина XIII века*. К., 1992, С. 239, 245; Моргунов Ю.Ю. *Древнерусские памятники поречья Сулы*. Курск, 1996. С. 34.

5 Моргунов Ю. Ю. Летописный город Въяхань. *Советская археология*. 1982, № 2. С. 240. Среди подъемного материала на городище найдена редкого типа вислая печать Владимира Мономаха 1094–1113 гг. (Моргунов Ю.Ю. Новый вариант печати Владимира Мономаха. *Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР*. М., 1975, вып. 144. С. 104–105). Стратегически с данным городищем были связаны два соседних городища — т.н. Бабаковское и Боярское XII–XIII вв. (Моргунов Ю.Ю. Летописный город Въяхань. С. 240–244).

6 Барсов Н. *Материалы для Историко-географического словаря России. I: Географический словарь Русской земли. (IX–XIV ст.)*. Вильна, 1865. С. 46.

- 7 Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. *Восточно-славянская ономастика*. М., 1972. С. 74–75; Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. К., 1985. С. 40; Нерознак В.П. *Названия древнерусских городов*. М., 1983. С. 54.
- 8 Кёйпер Ф.Б.Я. *Труды по ведийской мифологии*. М., 1986. С. 71, 80 и др.
- 9 Там же. С. 70; Christian Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*. 2 Auflage (Berlin, 1961), 1477.
- 10 Там же. С. 73.
- 11 Там же. С. 74.
- 12 Там же. С. 74.
- 13 Там же. С. 74.
- 14 Там же. С. 75.
- 15 Там же. С. 79–80.
- 16 Задумываясь о связи «перебранки» и «сражения», нельзя не вспомнить двух примеров из летописи — 1016 и 1018 гг., явно указывающих на обычай (*ПСРЛ* 1: 142, 143). Правда, в обоих этих случаях такая словесная разминка обернулась на пользу нападавшим. Ища ответ на вопрос о том, как «находчивость», «красноречие» могли бы, в то же время, отвечать смыслу названия укрепленного городища, вспоминаем русский термин «скородум» — с одной стороны — «человек решительный, находчивый, бойкий умом; остряк», с другой — обозначение небольшого укрепленного города, как «Скородум-город, в Москве, вал в срубах от крымцев, по Садовой, 1591» (Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1998. Т. IV. Стб. 209) и аналогичный городок «Скородум» в Киеве над Крещатицким ручьем (план И. Ушакова 1695 г.) (Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII века*. К., 1982, С. 69.). Очевидно, этот город — не только «наспех сооруженный», но и требующий быстрых, решительных действий своих защитников.
- 17 Помимо известных работ А.А. Зализняка, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, из последних см.: Шапіра Дан Д.Я. Ирано-славика. *Ruthenica*. VI (2007). С. 7–36. Абаев В.И. *Slavo-avestica. Вопросы языкознания*. М., 1982, № 2. С. 18–25.
- 18 Абаев В.И. *Slavo-avestica*. С. 19.
- 19 Бубенок О.Б. *Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.)*. К., 1997. С. 119–120.
- 20 *ПСРЛ* 1: 291. Ср.: *ПСРЛ* 2: 284.
- 21 *ПСРЛ* 2: 266.
- 22 *ПСРЛ* 2: 285.
- 23 Бубенок О. Етнічний склад осілого населення причорноморських степів наприкінці X — початку XIII ст. *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.)*. Вип. 2. К., 2002. С. 26.
- 24 *ПСРЛ* 1: 273.
- 25 Соловьев С. Обзор событий русской истории. *Отечественные записки*. Т. 79. СПб, 1851. С. 28 (Отд. II).
- 26 Соловьев С. М. *Сочинения*. Кн.1. Т. 1–2. *История России с древнейших времен*. М., 1988. С. 379; 679, прим. 132.
- 27 Новицкий И.П. *Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе (1845–1877 гг.)*. Т. 2: *Имена географические*. К., 1883. С. 105 (отд. II); *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874. С. 42, 46, 53 (отд. III).
- 28 Добровольский Л. *Городище у д. Почтовой Виты*. К., 1912. С. 3–42; План; *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья*. С. 53–54.
- 29 Кучера М.П. *Змиевы валы Среднего Поднепровья*. К., 1987. С. 19–20; 16 – рис. 4.
- 30 Барсов Н.П. *Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи*. 2-е изд. Варшава, 1885. С. 144, 301, прим. 262; Барсов Н. *Материалы для историко-географического словаря России*. С. 31, 203.
- 31 *Літопис руський*. Переклад Л.Є. Махновець. К., 1989. С. 248, прим. 21; Карта на с. 538, 544.
- 32 Там же. С. 573, 579 — карта (Увітічі (Святополчград)).
- 33 Константин Багрянородный. *Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий*. М., 1991. С. 46–47.
- 34 Карамзин Н.М. *История Государства Российского*. Т. II. М., 1991. С. 264, прим. 195.
- 35 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь (Сказания. Былины. Летописи)*. М., 1963. С. 274, 275, прим. 45.
- 36 *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья*. С. 63–64.
- 37 *ПСРЛ* 1: 229.

- 38 ПСРЛ 1: 273.
 39 Новицкий И.П. *Указатель к изданиям Временной комиссии*. С. 243 (отд. II).
 40 Там же. С. 105 (отд. II).
 41 *Сборник материалов для исторической топографии Киева...* С. 135–136. Отд. (III).
 42 Грушевский М. Волынский вопрос 1097–1102 г. *Киевская старина*. 1891. Т.V. С. 259.
 43 Грушевський М. *Історія України-Русі*. К., 1992. Т. 2. С. 90. 271–272; Барсов Н.П. *Очерки исторической географии*. С. 143.
 44 Толочко О. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва. *Київська старовина*. 1997, № 5. С. 163–164, 167, прим. 67.
 45 *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. С. 163–164; Нерознак В.П. *Названия древнерусских городов*. С. 177–178.
 46 Срезневский И.И. *Словарь древнерусского языка* (Репринтное издание). М., 1989. Т. 3. Ч. 2. Стб. 1126–1127. Эти же значения сохранены и в позднем русском языке (Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1998. Т. IV. Стб. 930.)
 47 ПСРЛ 2: 489.
 48 ПСРЛ 2: 230, вар. 57; Там же: Приложения (Разночтения из Ермолаевского списка. С. 18).
 49 Прибавление к Ипатьевской летописи. Густинская летопись. ПСРЛ 2: 282; Толочко О.П., Толочко П.П. *Київська Русь*. К., 1998. С. 199.

Юрий Писаренко

«Знамяня» княгині Ольги

Підсумовуючи результати походу київської княгині Ольги на древлян *Повість временних літ* під 946 р., в строгій і діловій тональності вказує на його далекосяжні наслідки:

и възложиша на на дань тажку . в . части дани идета Киеву а третьаа Бъшегороду к Ользь . бѣ бо Въшегородъ градъ Вользинъ . и иде Вольга по Дервьстѣи земли съ сѣмъ своимъ и съ дружиною оуставляючи оуставы и оуроки. [и] суть становища еѣ и ловища¹.

Іскоростень та інші племінні «гради» древлян були знищені вщент і життя на них вже не відродилось. Натомість, з ініціативи великокнязівської влади почали встановлюватися нові фіскально-адміністративні пункти, управління якими відтепер зосереджувалося в руках князівських слуг-дружинників. Одним із таких «становищ», очевидно, і був *Ольжин град* — Вишгород. Подібні протоміські центри були, як уявляється, місцем зосередження органів державної влади і судочинства, міжплемінного торговельного обміну та релігійних відправ.

Успішна війна Ольги з древлянами, яка закінчилася спаленням і розоренням їхньої столиці, наведенням порядку в адміністративному управлінні, державних фінансах й судочинстві зміцнила владу київського княжого роду і поклала, без перебільшення, початок існуванню Київської Русі як держави. Адже говорити про більш-менш тривку державну організацію на Русі можна лише з того моменту, коли припиняються наїзди князівських дружин та їхні відносини з племінними князіннями регламентуються законодавчо². Події 945 — 947 рр. порушили